

УДК 821.161.1-3

С.А. Комаров

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ ФЕЛЬЕТОНИСТИКИ ДОН-АМИНАДО

Дон-Аминадо (1888–1957), представитель плеяды «сатириконцев», известен, прежде всего, как поэт, в комическом ключе изображавший Советскую Россию и, в особенности, эмиграцию – ее психологические крайности и мировоззренческие штампы. Между тем, не менее значителен его вклад в прозу. Он работал в жанрах фельетона, юмористического рассказа, мемуаров (известна его книга воспоминаний «Поезд на третьем пути» (1954), в которой отражена жизнь дореволюционной России и русской эмиграции).

Проза Дон-Аминадо почти не становилась предметом системного изучения. В.И. Коровин в предисловии к наиболее объемному на сегодняшний день сборнику произведений сатирика («Наша маленькая жизнь», 1994), предлагает широкую картину жизни Дон-Аминадо в эмиграции, сопровождает ее значительным количеством литературных фактов (высказывания, замечания, воспоминания известных писателей и литераторов), довольно обстоятельно освещает поэтические тексты автора, но о его прозе говорит обзорно [5]. В предисловии к другому изданию (в серии «Антология сатиры и юмора России XX века») соблюден подобный принцип анализа дон-аминадовского творчества [6]. Значительный вклад в исследование произведений Дон-Аминадо внесла Л. Спиридонова – в ее работе 1999 года «Бессмертие смеха» отдельная глава посвящена анализу наследия писателя, но ученый, как и авторы упомянутых предисловий, уделяет основное внимание его стихотворениям [7]. Единственной попыткой целостного изучения его прозы стала диссертация К.А. Толкачева (1999), в которой представлена общая характеристика поэтики рассказов, фельетонов и мемуаров Дон-Аминадо [8]. Цель предлагаемой статьи – рассмотреть основные жанровые формы фельетонистики Дон-Аминадо, акцентируя при этом своеобразие авторского видения различных сторон жизни большевистской России и эмиграции.

В творчестве писателя исследователи выделяют три тематических направления: социально-бытовое, философское, политическое [8]. Фельетонистика Дон-Аминадо отражает в большей степени политические вопросы, а также проблему быта русской эмиграции. Не принимая власть большевиков в России, сатирик часто просто издевается над царящими на его родине порядками. С другой стороны, достается от него и «собратьям» по эмиграции, в особенности политикам. Дон-Аминадо во многих фельетонах высмеивает «заболтавшихся демагогов» эмиграции, способных лишь разглагольствовать о спасении России от коммунизма, но полностью утративших понимание реальности.

Данный круг проблем воплощается сатириком в различных фельетонных модификациях. Одна из часто встречающихся в фелье-

тонистике Дон-Аминадо жанровых форм – лекция. Ярким примером может служить фельетон «Электрификация мозговых полушарий» (1926). Политическая направленность текста ощущается уже в названии – здесь пародийно обыгрывается известная декларация В.И. Ленина о советской власти. Фельетон содержит все обязательные структурные и содержательные элементы лекции. В начале объявляется тема: «крушение парламентаризма и необходимость диктатуры» [1, с. 25]. Затем предлагается план, последовательно раскрывающий тему. Тезисы иллюстрируются примерами: так, рассуждая о сущности диктатуры, оправдывая ее целесообразность, «лектор» вспоминает о захвате Испании Наполеоном, о крушении монархии в Греции (в начале 1920-х годов), наконец – о «герцоге Муссолини, прямом потомке Ромула и Рема» [1, с. 28]. Фактически, автор отождествляет большевистскую власть с итальянским фашизмом, подчеркивая популизм и антидемократическую изнанку Советов.

Часто используемый в лекции прием риторического вопроса, создающий иллюзию диалога с аудиторией, встречается и здесь. «Докладчик» неоднократно задает слушателям вопросы, не требующие ответа, либо сам на них и отвечает: «Но можем ли мы, лучшие представители зарубежной мысли, обойти молчанием? Нет, не можем», «В чем же спасение? Или где же выход? Мы много над этим думали и надумали: спасение – в диктатуре, и выход там же» [1, с. 26]. Как видим, Дон-Аминадо намеренно снижает серьезный пафос сообщения, вводя в текст разговорные интонации.

Также, фельетонист подвергает пародийному переосмыслению установку о «загнивающем буржуазном Западе», объект постоянного муссирования в советской прессе. Основная причина «гибели» Европы – «фокстрот и всеобщее голосование», «дансинги и парламенты»: «Это оба очага общественного бедствия открыты всю ночь напролет, что же касается нюанса конечностей, то в одном происходит простым поднятием руки, в другом – простым поднятием ног, но факт налицо: всеобщее разложение нравов и борьба за власть» [1, с. 26]. Для усиления не только юмористического, но и собственно критического звучания фельетона Дон-Аминадо использует калам-

буры, как в следующем случае: «Диктатором называется человек, умеющий диктовать. Все остальные пишут под диктовку и называются населением. Кто не желает подчиняться правилам правописания, высылается вон и называется эмигрантом. При диктатуре пролетариата правописание – новое, при едином диктаторе правописание – старое. Но эмигранты неизбежны при всех правописаниях» [1, с. 26-27]. В данном пассаже автор предлагает развернутую игру слов. Выстраивая логическую цепочку на основе действий «диктовки» и «писания», сатирик говорит о взаимоотношениях большевиков, народа и интеллигенции.

Фельетон «О пользе воды» (1926) пародирует просветительские, направленные на ликвидацию безграмотности, лекции в Советской России. Дон-Аминадо акцентирует здесь заидеологизированность большевистского государства, стремящегося под любые отрасли знания подвести политическую базу. Так, «лектор» разбирает полезные и вредные («социальные») свойства воды. Писатель постоянно играет с лексикой пропагандистских лозунгов, которой оперируют во многих сферах советского общества. Например, экскурс в отдаленное прошлое «лектор» представляет таким образом: «...еще древние египтяне занимались разлитием Нила, чтобы поддержать цветущую промышленность своих хлебных злаков» [1, с. 71], а необходимость личной гигиены постулируется так: «...если наша индивидуальность не будет мыться, то ее окончательно загрызает вша, сей гнусный пережиток деспотического режима и сверхъестественной истории» [1, с. 71]. Финал лекции неожиданный: выступающий упоминает о «классовой борьбе женского сословия» [1, с. 71] и о слезах, проливаемых женщинами в несчастливых браках. Он парадоксальным образом связывает предмет лекции (воду) с семейными проблемами и пережитками старого строя, призывает «с презрением отвергнуть как подлый вопрос буржуазного разложения женской личности, считая означенную жидкость показательным приемом на семейном фронте» [1, с. 72].

В фельетоне «У лукоморья дуб зеленый...» (1926) соединяются жанровые признаки лекции и речи по случаю годовщины того или

иного исторического деятеля – в данном случае это 127 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Уже обращение к аудитории настраивает как минимум на ироническое восприятие доклада: «Товарищи комсомольцы, мужского и женского рода!» [1, с. 72]. Далее предлагается подробный разбор знаменитого пролога к поэме «Руслан и Людмила». Тут же обозначена главная задача выступающего – «очистить и выскоблить гнусные наросты цензурного гнета и, восстановив первоначальный смысл пушкинских символов, предоставить их для широкого массового потребления» [1, с. 72]. Дон-Аминадо едко высмеивает риторику советской власти и «вульгарный социологизм» [4], ставший основным методом в науке и культуре. Марксистская концепция «классовой борьбы» подгоняется даже под классические тексты, тематика и жанр которых далеки от социального содержания. Под Лукоморьем, объясняет докладчик, Пушкин имел в виду «оплот воинствующего империализма», дуб выступает «классовым символом буржуазного могущества» [1, с. 73] и т.п. В результате «расшифровки» пушкинских строк у незадачливого исследователя получилось следующее четверостишие:

«– У Балтморбазы яшень красный,

Стальная цепь лежит на ем.

Восьмичасовой труд прекрасный,

А, кстати, кошка ни при чем» [1, с. 74].

Многие фельетоны Дон-Аминадо построены в форме письма: «Последний ответ Уэллсу» (1921), «Переписка с начинающими» (1926), «Письма обиженных людей» (1926), «Открытое письмо доктору Нансену» (1926), «Открытое письмо Муссолини» (1926) и др. Эпистолярный жанр заявляет о себе в этих произведениях наличием обращений к адресату в начале посланий, иногда в самом тексте («Госпоже Сафо Попандопулос», «Последнему могикану» и др.), заключений-подписей («С почтением ...заслуженный артист международных танцев Пяткин-Терпсихоров», «Примите все прочее, И. Герасименко и др.), постоянной апелляции к адресату, создающей эффект беседы.

Остановимся на эпистолярных фельетонах, обращенных к реальным лицам. «Открытое письмо доктору Нансену» – юмористический фельетон-жалоба на официальные требования Лиги Наций для предоставления международного («нансеновского») паспорта беженцам без гражданства – разумеется, дело касается, русских эмигрантов. Ф. Нансен – не только знаменитый покоритель Севера, но и гуманист, филантроп, лауреат Нобелевской премии мира и комиссар Лиги Наций, инициировавший выдачу упомянутых документов. Корреспондент возмущен не только большой суммой пошлины – 375 франков – отсюда и открывающее письмо обращение «Дорогой доктор Нансен!» («Уж не думаете ли вы, что мы тоже все эти восемь лет путешествуем исключительно для того, чтобы посмотреть, как моржи на белом свете живут» [2, с. 363], – вопрошает он полярного исследователя), но и тем, что требуют фотографию «фас»: «Но вы же понимаете, что Веласкес умер. К Пикассо сломя голову я тоже не разбегусь. И в конце концов, если вы уж очень будете настаивать, то получите самую обыкновенную моментальную фотографию, так называемого сахалинского типа, анфас или в профиль, как хотите» [2, с. 363]. Сквозь юмористический тон пробивается действительная боль за всех «наших за границей», большинство которых влачили нищенское существование.

Фельетон «Последний ответ Уэллсу» является реакцией Дон-Аминадо на поездку английского писателя в большевистскую Россию в 1920 году, встречу с В.И Лениным и вышедшую вскоре документальную книгу «Россия во мгле». Фельетонист советует Г. Уэллсу перестать симпатизировать Советам, иносказательно названных «электрификацией». «Как говорил наш поэт: «умом Россию не объять, а электричеством – подавно!»... Что же касается наших мужиков, то все они не электротехники, а монархисты, чего и вам желаю» [2, с. 426], – юморист развивает образ «электричества», перефразирует некрасовские строки, высказывая утопическую веру в приверженности русского народа царизму. В фельетоне звучат иронические вопросы: «Комячейки для Британского музея? Или Соцобеза для австралийских колоний?! Или Зиновьева в качестве вице-короля Ин-

дии?!» [2, с. 427], сущность которых сводится к следующему: чего же не достаёт писателю-фантасту, так увлекшемся коммунистическими идеями. «Saboubennaia wi golovouchka» [2, с. 427], – нарекает автора «России во мгле» Дон-Аминадо. На самом деле, отношение Уэллса к советской власти было далеко не таким однозначным, каким его представляет фельетонист. С одной стороны, он считал большевиков «прямыми и честными людьми», ленинскую власть – «единственным правительством, возможным в России в настоящее время», ведь «оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее сплачивает» [9, с. 74]. С другой стороны, писатель не разделял ни взглядов, ни методов большевиков, отвергал идею классовой борьбы и вообще революции, был убежденным «эволюционным коллективистом», верившим в то, что «в результате большой и упорной ... работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему» [9, с. 121]. Но такие тонкости мало интересуют Дон-Аминадо, возмущенного самим фактом, что культурный человек и хороший писатель может испытывать к коммунистам что-то, кроме резкого неприятия и отторжения.

В фельетоне «Открытое письмо Муссолини» обыгрывается маска искреннего поклонника итальянского дуче. Корреспондент объясняет причины своего преклонения перед диктатором – им постоянно овладевает тоска по сильной власти. В такие моменты он смотрит на вырезанный из журнала снимок Муссолини, изучает его «римско-католический нос» и думает: «...вот бы нам хоть одну такую ноздрю» [2, с. 441]. Его восхищает, что знаменитый декадент Г. д'Аннунцио получил при фашистах княжеский титул и множество имущественных привилегий. Он вспоминает о «заслугах» Муссолини «перед печатным словом» – теперь большинство итальянских газет публикуется за рубежом (иронический комментарий: «так разрослась ... отечественная печать» [2, с. 441]), намекая на усиление цензуры, и сравнивает такое положение дел с Россией: «Впрочем, грех жаловаться! У нас тоже большинство русских газет выходит за границей» [2, с. 441]. Указывает рассказчик и на стремительность восхождения

Муссолини к власти, вспоминает, в частности, его известный «поход» на Рим в 1922 году, в результате которого он и получил должность премьер-министра. «Вечный город пал... и не скоро поднимется» [2, с. 441], – ремарка, последовавшая за этим, говорит сама за себя. «Итальянский флаг на Северном полюсе, итальянский флаг на Южном полюсе! Романизация эскимосов. Романизация негров! Оба меридиана наши! Земная ось – тоже! Взорву Везувий, залью экватор, я так хочу!..» [2, с. 442], – издевается фельетонист над экспансионистскими амбициями диктатора. В целом, данный фельетон демонстрирует авторскую позицию неприятия тоталитарных режимов.

Есть в фельетонистике Дон-Аминадо и так называемый «Зарубежный письмовник», в котором приводятся образцы писем «на разные случаи эмигрантской жизни и смерти» [1, с. 40]. Это вариация дореволюционного «Письмовника» издания И.Д. Сытина, отражающая безрадостные реалии жизни русских за границей. Подборка писем составлена таким образом, чтобы у читателя сложилась как можно более полная картина проблем и невзгод эмигрантов: тут и просьбы о займе, о содействии в предоставлении визы, и сообщение о выселении, и поздравление с «юбилеем» пребывания за границей, в котором выражается слабая надежда на падение большевиков и возвращение на родину, и предсмертная записка самоубийцы.

Фельетон является жанром, имеющим публицистические черты, одна из основных его задач в этом ракурсе – откликаться на злобу дня. Фельетонные тексты всегда впервые публикуются в периодической печати. Дон-Аминадо в фельетонах «Тре рюсс 1» и «Тре рюсс 2» (с франц. «очень русская») (1926) попытался сымитировать ежедневную газету с типичными для нее рубриками: «Известия», «Телеграммы», «Хроника», «Объявления», «Новости сезона», «Шахматный отдел» и др. В подзаголовке оговорена «политическая» направленность газеты: «Издание консервативно-либеральное и абсолютно-относительное» [1, с. 89]. Каждому «выпуску» предпослано обращение редакции, в котором указывается целевая аудитория газеты – эмиграция и прямо говорится о главном «ориентире» издания – это «наш великий мыслитель и анахорет, господин дирек-

тор Пробирной палатки Козьма Прутков» [1, с. 93]. Действительно, афористичность и использование каламбуров являются характерными чертами данных фельетонов. К примеру, отклик на публикацию журнала «Версты», рупора «евразийцев», призывавших восстановить связи единого культурного потока России [3]: «Вышла первая книга журнала «Версты». С первого же взгляда бросается в глаза большое количество столбов» [1, с. 92] (Дон-Аминадо не принимал идей «возвращенчества», прозвучавших в евразийстве). Или сообщение из большевистской России: «Съезд Советов отсрочен до глубокой осени. Если осень окажется недостаточно глубокой, то съезд будет приурочен к началу весенней навигации» [1, с. 94]. Беспорядки в Англии описаны следующим образом: «В Англии вошел в силу закон о восьмичасовом рабочем дне. Углекопы бастуют по три дня в сутки» [1, с. 94]. Информация о политических событиях чередуется в фельетоне с изложением мелких бытовых происшествий. Основной акцент автор делает на темах России и эмиграции.

В фельетоне «Жизнь знаменитых людей» (1926) используется форма биографического очерка. В центре повествования – деятельность Ж.М. Палеолога, бывшего посла Франции в России, известного своими книгами о царской семье и ситуации, в которой оказалась страна в годы Первой мировой войны и революции. Фельетонист описывает только первую половину одного дня из его жизни, целиком посвященной изысканию финансовых средств для поддержки политических сил, стремящихся вернуть монархию в России. Текст пронизан едкой иронией по поводу борьбы Палеолога «за восстановление былого могущества Родины, захваченной гнусными иноплеменниками» [2, с. 444]. Он занимается подсчетом «кассы», состоящей из весьма разнообразной валюты, непрерывным «писанием писем в редакции» («Блестящие и увлекательные письма господина Палеолога захватывают читателя своей исключительной правдивостью и изяществом слога» [2, с. 445]). Дон-Аминадо называет своего героя «великим государственным деятелем», «крупной выдающейся единицей», «замечательным мужчиной, который войдет в Историю под именем Вещего Палеолога» [2, с. 444-445]; сравнивает его пи-

сательскую деятельность с творчеством И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и княгини О.Г. Бебутовой, третьеразрядной писательницы-эмигрантки, автора псевдоисторических и любовных романов (последнее имя, разумеется, усиливает саркастическую направленность представленной в фельетоне характеристики Палеолога). Дон-Аминадо, сам противник большевизма, явно не верит в искренность и действенность усилий монархистов, приближенных к тому или иному претенденту на российский престол.

Элементы очерка содержит и фельетон «Народный солист» (1926), посвященный деятельности В.Э. Мейерхольда, выдающегося театрального режиссера. От очерка в нем авторское стремление к описательности, свободная композиция, аналитическая оценка фактов, ярко выраженная субъективность. Фельетонную же окраску произведению придает, прежде всего, сатирическая тональность, а также тот факт, что оно было создано как отклик на реальные события – постановки Мейерхольдом «Ревизора» и «Дон Кихота». Отталкиваясь от общей характеристики состояния советского театра («Теперь наступила полоса судорожных достижений. Достижения носят характер эпидемический, эпидемия имеет характер неизлечимый. Кто выше всех перепрыгнет, тот больше всех достигнет» [2, с. 448]), Дон-Аминадо переходит к оценкам деятельности наиболее оригинального его представителя. Безапелляционность писательских суждений поражает: Мейерхольд назван «болтуном и фокусником», «советским переплывателем», «старым престижджетором» (ловкачом), «неистовым Ролландом» (авторское обозначение предприимчивого дельца, содержащее аллюзию на поэму Л. Ариосто), думающим, якобы, только об обогащении: «Душа бухгалтера и эспри мешочника!..» [2, с. 448]. Ему, развивая эти определения автор, удается успешно сбывать «самый модный» товар: «и суперматизм, и конструктивизм, и формальный метод, и динамику!..» [2, с. 448].

Фельетониста особенно возмущает свобода, с которой большевистские деятели искусства обращаются с классикой, в особенности, русской. Например, в мейерхольдовской постановке «Леса» Н.А. Островского совершенно чуждая первоисточнику библейская

образность соединена с изображением достижений в промышленности; бессмертная комедия Н.В. Гоголя построена в виде одних антрактов; а образы Сервантеса чрезмерно модернизированы и революционизированы. Дон-Аминадо чересчур категорично, хотя и с невероятно яркой образностью, судит советскую культуру: «В этом сказочном царстве великолепных лгунов, эстетических оборотней и пролеткультных сомнамбул, где даже кокаин и самоубийство имеют свой революционный подход; в этой скучнейшей в мире фабрике бесполой ухищрений и государственного вывиха под высоким покровительством самого Анатолия Луначарского, академика и педикюра, как же было не расцвести, не распуститься, не возвеличиться бешеному темпераменту Всеволода Мейерхольда» [2, с. 448]. Думается, едкий сарказм и гневные выпады против талантливого режиссера, связаны с тотальным неприятием фельетонистом всего советского.

Фельетон «Фильм из русской жизни» (1926) представляет собой киносценарий. Автор структурирует текст по картинам – их в данном «сценарии» четыре. Каждая – описывает отдельный эпизод из жизни главных героев: «блестящего капитэна Александр-Марфы Васильевича» и «прекрасной молодой графини Гоготской» [2, с. 356]. В первой сцене живописуется венчание влюбленных, во второй – времена революции и бегство супружеской пары за границу. Две последующие картины раскрывают эпизоды из жизни героев в эмиграции. Они вынуждены работать в одном парижском кабаре – здесь и происходит инцидент, приведший к судебному процессу над «капитэном» – вступившись за честь жены, он убивает зажиточного американского туриста. Собственно суд заканчивается оправдательным решением. Следуя законам «немого кино», фельетонист избегает диалогов, сосредоточивается на описательных частях. Любой сценарий должен создавать реальность фильма, в которой зритель должен не только увидеть, но и почувствовать жизнь на экране. С этой целью используются различные выразительные средства. Таковыми в «кинофельетоне» выступают юмористическая деталь («Каждый гость приносит кусок хлеба и немножко соли, чтобы хоть на первое время обеспечить молодых»)[2, с. 356]), оксюморон («настоящая цы-

ганка ...своим дивным мужским голосом поет хоровую песню» [2, с. 357]), языковая игра («Закрыв руками лицо, она смотрит сквозь пальцы на арестантские формы пострадавшего супруга» [2, с. 357]), силлепс («Видно, как хлопают пробки и безумное веселье как внутри, так и снаружи царит на лицах миллиардеров» [2, с. 357]). Весь фельетон пронизан иронической интонацией, что призвано высмеять штампы и клише голливудской продукции о жизни русских.

Жанровые формы фельетонов Дон-Аминадо очень разнообразны, их диапазон не ограничивается рассмотренными в данной работе. Писатель, в частности, стилизует фельетонные тексты под летопись («Уроки русской истории» (1926)), дневник («Отрывки из дневника разочарованного» (1926), «Парижские заметки» (1920)), стихотворение в прозе («Летнее стихотворение в прозе» (1926)), самоучитель («Руководство для начинающих» (1926), «Новейший самоучитель» (1920)), опросный лист («Всеобщая перепись» (1925), «Анкета» (1926)). Особенно значителен вклад Дон-Аминадо в развитие стихотворного фельетона. Как видим, публицист использует как жанры художественной и документальной литературы, так и небеллетристические образования. Так автор обогащает поэтику фельетонного жанра. Изучение особенностей воплощения указанных форм составляет перспективу разработки проблемы.

Литература

1. Антология сатиры и юмора России XX века. – Т. 54. – Дон-Аминадо. – М.: Эксмо, 2004. – 464 с.
2. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Дон-Аминадо. – М.: Терра, 1994. – 768 с.
3. Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков: Учебное пособие / Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб: Издательство С.-Петербур. университета, 2003. – 318 с.
4. История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. – М.: Издательство Моск. университета, 2006. – 776 с.
5. Коровин В.И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции / В.И. Коровин // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический

памфлет. Проза. Воспоминания. – М.: Терра, 1994. – С. 3-38.

6. Никоненко Ст. Последний сатириконец / Ст. Никоненко // Антология сатиры и юмора России XX века. – Т. 54. – Дон-Аминадо. – М.: Эксмо, 2004. – С. 12-20.

7. Спиридонова Л. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья / Л. Спиридонова. – М.: Наследие, 1999. – 336 с.

8. Толкачев К.А. Художественный мир прозы Дон-Аминадо: автореф. дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / К.А. Толкачев. – М., 1999. – 18 с.

9. Уэллс Г. Россия во мгле / Г. Уэллс. – М.: Прогресс, 1970. – 223 с.

Анотація

С.А. Комаров. Жанрові форми фейлетоністики Дон-Амінадо.

У статті розглядаються основні жанрові модифікації фейлетоністики Дон-Амінадо. Фейлетонна проза сатирика віддзеркалює політичні питання, а також проблему побуту російської еміграції. Дане коло проблем втілюється в різних жанрових формах: лекція, лист, біографічний нарис. Фейлетони-лекції містять тему, план, ілюстрації окремих тез прикладами, прийом риторичного запитання. Епістолярний жанр заявляє про себе постійною апеляцією до адресата та закінченнями-підписами. Часто свої фейлетонні листи публіцист адресує реальним особистостям: Г. Уеллсу, Ф. Нансену, Б. Муссоліні. У «нарисових» фейлетонах виявляється авторське прагнення до описовості, вільна композиція, аналітична оцінка фактів, яскраво висловлена суб'єктивність. Окремі фейлетони являють собою імітацію газетного видання з характерними для нього рубриками. У ході аналізу функціонування тих чи інших жанрових ознак у фейлетонах Дон-Амінадо звертається увага не тільки на їх ідейний зміст, але й на художні особливості: каламбур, зміщення стилів, афористичність.

Ключові слова: фейлетон, сатира, еміграція, більшовизм, лекція, лист, біографічний нарис, каламбур.

Аннотация

С.А. Комаров. Жанровые формы фельетонистики Дон-Аминадо.

В статье рассматриваются основные жанровые модификации фельетонистики Дон-Аминадо. Фельетонная проза сатирика отражает политические вопросы, а также проблему быта русской эмиграции. Данный круг проблем воплощается в различных жанровых формах: лекция, письмо,

биографический очерк. Фельетоны-лекции включают в себя тему, план, иллюстрации отдельных тезисов примерами, прием риторического вопроса. Эпистолярный жанр заявляет о себе постоянной апелляцией к адресату и заключениями-подписями. Часто свои фельетонные письма публицист адресует реальным личностям: Г. Уэллсу, Ф. Нансену, Б. Муссолини. В «очерковых» фельетонах проявляется авторское стремление к описательности, свободная композиция, аналитическая оценка фактов, ярко выраженная субъективность. Отдельные фельетоны представляют собой имитацию газетного издания с характерными для него рубриками. В ходе анализа функционирования тех или иных жанровых признаков в фельетонах Дон-Аминадо обращается внимание не только на их идейное содержание, но и на художественные особенности: каламбур, смешение стилей, афористичность.

Ключевые слова: фельетон, сатира, эмиграция, большевизм, лекция, письмо, биографический очерк, каламбур.

Summary

S.A. Komarov. Genre forms of Don-Aminado's feuilletons.

The article deals with the basic genre modifications of Don-Aminado's feuilletons. The satirist's feuilletons reflect political questions, the problem of Russian emigration's way of life. This circle of problems is embodied in different genre forms: lecture, letter, biographic essay. Articles-lectures include a theme, plan, illustrations of separate theses with the examples, rhetorical question. The epistolary genre declares itself by a permanent appeal to the addressee and conclusions-signatures. Often the publicist directs his feuilletons-letters to the real personalities: H.G. Wells, F. Nansen, B. Mussolini. In essay feuilletons the authorial tendency for description, free composition, analytical estimation of facts, brightly expressed subjectivity show up. Some feuilletons are an imitation of newspaper edition with the typical headings. In the course of analysis of functioning of different genre signs in Don-Aminado's feuilletons the scientist pays attention not only to their ideological content but also to features of poetics: pun, mixing of styles, aphoristic character.

Key-words: feuilleton, satire, emigration, Bolshevism, lecture, letter, biographical essay, pun.